

БИО-ЛОГ. КАК УНАСЛЕДОВАТЬ БРУНО ЛАТУРА?

Андрей Геннадиевич Кузнецов

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
akuznetsov@eu.spb.ru

Аннотация: Этот текст представляет собой био-лог, слово о жизни Бруно Латура, в противовес некро-логу — слову о смерти. Ставится вопрос о том, как нам унаследовать Латура для жизни? Автор стремится избежать мертвящей модернизации его богатого наследия, расчленения единой сети его проектов и утверждений вдоль границ современных дисциплин: социологии, философии, семиотики, антропологии. Вместо этого предлагается артикулировать и собрать Латура-антрополога, связав вместе его проекты антропологии наук и технологий, симметричной антропологии и антропологии Модерна (исследования способов существования). Такой подход позволяет нащупать нить Ариадны в лабиринтах его наследия, научиться проследживать траекторию трансформаций его посланий через множество тем, дисциплин, проектов, жанров и форматов.

Ключевые слова: Бруно Латур, антропология наук и технологий, симметричная антропология, антропология Модерна, ирредукции, агностицизм, магия Модерна.

Для ссылок: Кузнецов А. Био-лог. Как унаследовать Бруно Латура? // Антропологический форум. 2022. № 55. С. 389–398.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-55-389-398

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/055/kuznetsov.pdf>

VIVIT-UARY. HOW TO INHERIT BRUNO LATOUR?

Andrei Kuznetsov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
akuznetsov@eu.spb.ru

Abstract: This text is a vivit-uary—and not an obit-uary—of Bruno Latour: a tribute to his life, not a commemoration of his death. The question is: how do we inherit Latour? The author seeks to avoid the deadly modernization of his rich heritage, to avoid dividing a single network of his projects and statements along the boundaries of modern disciplines: sociology, philosophy, semiotics, anthropology. Instead, it is proposed to articulate and assemble Latour-the-anthropologist, linking together his projects of the anthropology of sciences and technologies, symmetrical anthropology, and the anthropology of the Moderns (an inquiry into the modes of existence). This approach allows us to find the Ariadne's thread in the labyrinths of his heritage, to learn to follow the trajectory of the transformation of his messages through a variety of topics, disciplines, projects, genres, and formats.

Keywords: Bruno Latour, anthropology of sciences and technologies, symmetrical anthropology, anthropology of the Moderns, irreductions, agnosticism, magic of the Moderns.

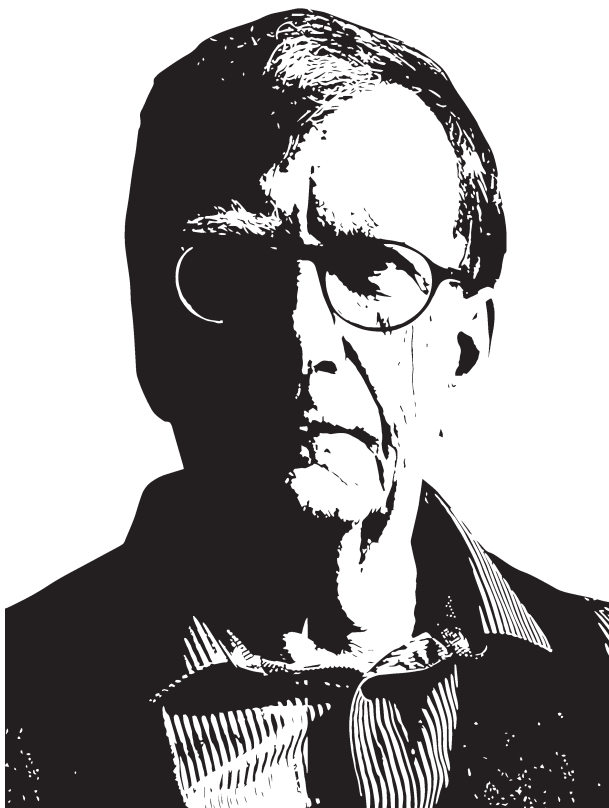
To cite: Kuznetsov A., 'Bio-log. Kak unasledovat Bruno Latura?' [Vivit-uary. How to Inherit Bruno Latour?], *Anthropologicheskij forum*, 2022, no. 55, pp. 389–398.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-55-389-398

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/055/kuznetsov.pdf>

Бруно Латур

22 июня 1947 — 9 октября 2022

© Центр STS ЕУСПб

Андрей Кузнецов

Био-лог. Как унаследовать Бруно Латурса?

Этот текст представляет собой био-лог, слово о жизни Бруно Латурса, в противовес некро-логу — слову о смерти. Ставится вопрос о том, как нам унаследовать Латурса для жизни? Автор стремится избежать мертвящей модернизации его богатого наследия, расчленения единой сети его проектов и утверждений вдоль границ современных дисциплин: социологии, философии, семиотики, антропологии. Вместо этого предлагается артикулировать и собрать Латурса-антрополога, связав вместе его проекты антропологии наук и технологий, симметричной антропологии и антропологии Модерна (исследования способов существования). Такой подход позволяет нащупать нить Ариадны в лабиринтах его наследия, научиться проследить траекторию трансформаций его посланий через множество тем, дисциплин, проектов, жанров и форматов.

Ключевые слова: Бруно Латурса, антропология наук и технологий, симметричная антропология, антропология Модерна, ирредукции, агностицизм, магия Модерна.

Бруно Латурса умер. Ему было 75 лет. В ночь с 8 на 9 октября он скончался от рака поджелудочной железы. Дурная весть об этом сделала 2022 год для русскоязычных исследователей, тронутых и мобилизованных Латурсом, еще чернее.

Мы остаемся с его наследием. Латурса пересек и трансформировал широкий набор тем: *науки, технологии и инновации, право, искусство, религия, экология, политика и власть, организации, цифровой и виртуальный мир, тело и субъективность, литература, экономика*. Не считая досадных квипрокво, наследство Латурса уже сейчас маркировано облаком частичных, но по-своему точных тегов: *антропология Модерна, акторно-сетевая теория, социология перевода и ассоциаций, политическая экология, онтологический поворот, политическая эпистемология, Гей-политика, материальная семиотика, исследование режимов существования, эмпирическая философия, теория нового климатического режима, симметричная антропология, исследования наук и технологий*. На каждой из этих бирок отпечатан маршрут следования, разрезающий границы целого ряда академических дисциплин: *антропологии, экзегетики, социологии, философии, этологии, семиотики, экологии, политических наук*. Более того, часть маршрутов ведет за границы академии. Латурса использовал все

Андрей Геннадиевич Кузнецов

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
akuznetsov@eu.spb.ru

доступные ему средства, чтобы адаптировать свои послания к разным аудиториям и ситуациям: *выставки, театральные пьесы, дипломатические конференции, коллективные эксперименты, медиапроекты*. Мы остаемся с этим множественным и множащим наследием. Как нам унаследовать Латура?

История социогуманитарных дисциплин хорошо знакома с одним печальным способом обращения с богатым наследством, который одинаково близок и модернистам, и Шарикову из «Собачьего сердца» — «взять все и поделить!» Разделить «раннего» и «позднего» Латура, очистить его социологию и этнографию от философии и метафизики, дистиллировать «научное» содержание его творчества из смеси риторических приемов, полемических уловок и прочих «художественных» экзерсисов. Растащить наследие по своим дисциплинарным конурам, сделать непонятной странную траекторию этого квазиобъекта, бесконечно спорить об относительной ценности акторно-сетевой теории и философии режимов существования, как если бы перед нами непременно стоял выбор или — или. Это верный путь к тому, чтобы руинировать то, что нам досталось и дать работу интеллектуальным историкам будущего, которые займутся реконструкцией, с трудом склеивая по кусочкам то, что мы так легко разбили. Осталось поставить склеенный артефакт в музей, и мы получим настоящий *некро-лог*, слово о смерти Латура. Нам же нужен *био-лог*.

Как нам унаследовать Латура для жизни, а не для смерти? Должен быть другой способ, позволяющий делать выводы из его посланий, адресованных нам. Мы должны научиться следовать за ним так же, как он следовал за своими акторами. Нащупать нить Ариадны в лабиринтах его наследия, научиться проследить траекторию трансформаций его посланий через множество тем, дисциплин, проектов, жанров и форматов. В зависимости от ваших отношений с Латуром это можно делать по-разному. Друзья, те, кто знал Бруно лично, имеют возможность составлять коллажи из коммемораций *ad hominem circumstantiae*. Профессиональные историки будущего, имея полный доступ к архивам Латура, смогут связать поверхность его текстов с «затекстовыми» данными о его практиках исследования и преподавания, переписке, черновиках, незаконченных и неопубликованных работах, об институциональных, биографических и геополитических обстоятельствах его творчества. Мне недоступна первая возможность, а вторая недоступна пока никому (см., однако: [Schmidgen 2014]). Как и большинство, я знаю Латура только по текстам. Но, в отличие от большинства, у меня было время, чтобы «обрести тело» [Latour 2004] «идеального читателя» [Latour 1988: 256] корпуса его публикаций, дотошно следующего от одной метаморфозы Латура-автора к другой

через множество тем, дисциплин, проектов, жанров и форматов. Обретаемое через многократное и последовательное перечитывание, тело такого читателя подразумевает особую близость на расстоянии, чувствительность к маневрам и ходам автора как функции организации текста. Поэтому я не буду обращаться к биографическому контексту, чтобы произвести литературный эффект Латура-человека-и-личности. Слишком мало мы пока знаем о связи биографии и творчества Латура, чтобы не заполнять пробелы многозначительными, но все же вульгарными киваниями в сторону его католицизма, буржуазного происхождения, взросления в семье виноделов из Бургундии и раннего образования по философии и библейской экзегетике. Пользуясь своим телом сензитивного читателя и учитывая профиль журнала, я обращаюсь к другой форме жизни. Связав вместе несколько лог-файлов, хранящих в себе информацию о том, как мое читательское тело училось быть все более и более аффицируемым, я артикулирую, собираю для вас Латура-антрополога. Эта версия Латура связывает проекты на протяжении почти 50 лет его жизни и перекраивает дисциплинарные границы антропологии, а не замыкается в них. Я постараюсь сблизить вас с автором, которого вы, читатели АФ, можете унаследовать!

Антропология как рефлексивный агностицизм: модерная магия и ирредукции

Как сам Латур называл свои исследования? Как правило, он использовал слово «антропология». Ретроспективно латуровская карта антропологии выглядит так. Есть поле симметричной антропологии. Внутри него есть общий проект Латура — антропология Модерна, с которым соседствуют антропологии немодерных коллективов (Ф. Дескола, Э.В. де Кастру, Э. Кон). В центре антропологии Модерна — антропология наук и технологий. Исторически последовательность была другой: антропология наук и технологий, симметричная антропология, антропология Модерна. Проследим, как трансформировалась антропология Латура в этой последовательности.

Антропология играет важную роль уже в самых первых публикациях Латура. В 1973 г. он проводит анализ «Клио» Шарля Пеги, опираясь на метод анализа мифов Леви-Строса. С 1973 по 1975 г. Латур проходит гражданскую службу в Кот-д'Ивуаре, где проводит исследование «Идеологии компетентности в промышленных кругах Абиджана» для Бюро научно-технических исследований на заморских территориях (ORSTOM) — агентства, содействовавшего развитию этой страны. Исследование опиралось на идеи экс-директора организации, известного французского антрополога Марка Оже, специалиста по региону, изучавшего магию, суеверия и исцеления верой. В 1975 г. Латур использует

этот антропологический опыт, чтобы начать свое теперь уже классическое исследование нейроэндокринологической лаборатории Института Солка в Сан-Диего, которое закончилось в августе 1977 г. Взгляд западной антропологии обращается с культур Других на ядро культуры Запада — науку. С этого рефлексивного жеста начинается антропология наук и технологий.

В каком смысле антропология? Во-первых, *этнография* научного коллектива в лаборатории, в отличие от анализа публикаций или интервью, позволяет сопоставить то, как ученые делают науку и что они о ней говорят, практики и объяснения¹. Это нивелирует зависимость антрополога науки от объяснений этой науки самими учеными. Во-вторых, *агностицизм* позволил Латуру не принимать на веру объяснения ученых, так же как Оже отказывался преклоняться перед объяснениями колдуна [Latour, Woolgar 1986: 29]. Антрополог науки должен приостановить веру в самообъяснения науки и избавиться от некритического отношения к ней. Предварительная социализация в локальной культуре лаборатории не считается залогом успешного исследования. Напротив, *ассимиляция* — методологический «грех», которого нужно всячески избегать. Агностицизм — это способ деэкзотизировать науку и не полагать априорно, что практики ученых рациональнее практик других акторов (как на Западе, так и за его пределами).

С помощью этнографии Латур сопоставил практики ученых с их объяснениями результатов своей деятельности. И оказалось, что между практиками и объяснениями западной науки существует сильный, но не замечаемый разрыв. В «Лабораторной жизни» он был сформулирован как парадокс: записывающие устройства, трансформации записей, материалы и практики обращения с ними, организация работы персонала, одним словом, материальная сеть разнородных элементов конституирует факты науки, но полностью удаляется в объяснениях ученых [Latour, Woolgar 1986: 69, 183]. В них ученые говорят об идеях, теориях, разуме, методе, истине, природе. Как если бы между субъектом-ученым и объектом-природой не было никаких посредников.

Однако этот разрыв между практиками и объяснениями есть не только в науке, но и в других сферах современного мира: технологиях, экономике, праве, религии и т.д. И этот разрыв порождает иллюзии потенци-могущества. Этому посвящен трактат «Ирредукции», написанный Латуром уже к 1981 г., но опубликованный только в 1984 г. вместе с исследованием о Пастере.

¹ У Латура есть много версий этой центральной для него оппозиции. Вот некоторые из них: наука в действии / готовая наука, первичный / вторичный механизмы атрибуции, перевод (медиация) / очищение, сети / критика, исследования / Наука.

Актеры могут стать сильными (слабыми) только посредством ассоциации с другими гетерогенными актерами. Так они образуют материальные, локальные, тонкие, хрупкие сети. Эти сети — единственный источник сил акторов. Силы акторов эффективны только внутри сети. Они могут увеличить протяженность сети, но не могут выйти за ее пределы, не потеряв своих способностей. Однако в мире Модерна регулярны события, когда сила сети атрибутируется не всем конституирующим ее актерам, а только одному из них. Так возникает магическая иллюзия потенции-могущества. Действенность всей сети ошибочно атрибутируется современным идолам — разуму, машине, закону, природе, организации, рынку и т.д., которые обладают признаками фетишей.

Иллюзия потенции-могущества ведет к ряду опасных следствий и несправедливостей. Актеру-идолу атрибутируются силы, которыми он не обладает. Утверждается, что этот выделенный элемент содержит в себе все остальные элементы сети *in potentia*. Потенция-могущество подразумевает, что власть актора потенциально простирается за пределы его сети на весь универсум и сохраняется в отсутствие союзников, делающих его/ее сильным. Одним словом, иллюзия потенции-могущества подразумевает редукцию множества к его отдельному элементу, локального к универсальному.

Все ошибки в атрибуции источника силы акторов, т.е. все иллюзии потенции-могущества Латур описывает словом «магия» [Latour 1988: 180, 186, 190, 209, 212]. Задача антропологии науки — поставить на одну доску все магии, современные и немодерные, и противопоставить им агностицизм или ирредукцию. Ирредукцией Латур называет «все, что устраняет магическое впечатление от потенции-могущества и надежно возвращает ее обратно в сеть, где она обрела форму» [Latour 1988: 213]. Латур дает нам шанс переосмыслить наше наследие, когда находит воплощение ирредукционизма в романе Льва Толстого «Война и мир». Силу и власть, магически атрибутируемые Кутузову и Наполеону, Толстой вернул обратно противоречивому множеству акторов, разделивших с ними исторические события.

Причина, истина, метод, объективность — это аватары потенции-могущества в науке. По завершении исследования ученые и эпистемологи рисуют вокруг науки «магический круг», из которого изгоняется все, что придавало ей сил, но в ретроспективе оказалось нереспектабельным, загрязняющим [Latour 1988: 25, 31, 59]. Это и произошло с гигиенистами и другими актерами в ретроспективных описаниях пастеровской науки, в которых остался лишь героический Пастер, в одиночку с помощью своих концептов совершивший революцию в науке и обществе только лишь силой своего разума.

Поскольку ученые ретроспективно рисуют вокруг своей науки магический круг, Латур предпринимает ирредукцию наук [Latour 1988: 212–236]. К объяснениям ученых, что действительность их науки проистекает из метода, логики или объективности, следует относиться с тем же скепсисом, что и к объяснениям шамана, который атрибутирует потенцию-могущество своим заклинаниям [Latour 1988: 186, 190, 212–214]. Но этот скепсис нацелен не на практики наук, а на магические объяснения, которые им дают в мире Модерна. Поэтому ирредукция наук ведет к замене разговора об идеях, методе, логике и объективности описаниями сетей гетерогенных союзников, которые в действительности являются источником силы и эффективности практик ученых.

Однако Латур также ирредуцирует современный мир в целом. Так в «Ирредукциях» начинается симметричная антропология, которая продолжается в эссе «Мы никогда не были современными».

Антропология как модель описания: симметрия, Великий разлом, общая матрица коллективов

Ирредукция ведет к описанию сетей и квазиобъектов — гибридных феноменов, пересекающих границы различных дисциплин. Современные дисциплины (социология, эпистемология, дискурс-анализ) склонны разрезать сети на сферы и уровни, а не трассировать их. В их перспективе гетерогенные сети малопонятны. Поэтому эти дисциплины не могут быть моделями для продолжения ирредукций. Антропология же может, поскольку она, в отличие от других дисциплин, способна «связать в одно целое странную траекторию квазиобъектов» [Латур 2006: 164]. Антропологи показали, что невозможно понять культуры Других, если отделять друг от друга их экономику, право, технологии, магию, этнонауку, политику и т.д. Нужно описывать все вместе. Латур предлагает сделать этот *modus operandi* моделью описания современного мира. Именно в этом ключе следует понимать его проект антропологии Модерна.

Но установка не членить гетерогенные сети природ-культур на сферы применяется антропологами лишь к домодерным коллективам, а в случае современных отбрасывается. Будучи рожденной внутри Модерна, антропология часто остается асимметричной в отношении Запада и всех остальных культур. Почему?

Ответ кроется в устройстве Конституции Модерна. В «Лабораторной жизни» Латур обнаружил разрыв между практиками и объяснениями науки, в «Ирредукциях» показал, что этот разрыв есть не только в науке и что с ним связан современный магический фетишизм, требующий антропологического агностицизма. В книге «Мы никогда не были современными» Латур описывает устройство и последствия этого разрыва — Консти-

туцию Модерна. Оппозицию практики / объяснения сменяет синонимичная ей сети / критики. Эти два компонента образуют Конституцию Модерна. Критика выполняет работу очищения, т.е. членит мир на природу и культуру, распределяет сущности по разным онтологическим регионам человеческого, нечеловеческого, божественного, а также определяет отношения между ними. В сетях проводится работа перевода, т.е. смешения, гибридизации и обмена свойствами между гетерогенными сущностями. Ее результат — гибриды природы и культуры, природы-культуры. Сети — это предварительное условие критики и ее работы очищения. Без сетей «практики очищения были бы бесплодными или бездейственными», без очищения «работа перевода была бы замедлена, ограничена или даже оказалась бы под запретом» [Латур 2006: 71].

В чем специфика Конституции Модерна? Во-первых, современная критика проводит границы между онтологическими регионами не так, как это делают другие коллективы. Она жестко разделяет людей, нелюдей, Бога, а также механизмы их репрезентации (политику, науку и религию соответственно). Во-вторых, она устанавливает Великий разлом между Западом и всеми остальными культурами. В-третьих, Конституция Модерна полностью отделяет работу очищения (критику) от работы медиации (сети). В итоге изнутри Конституции работа медиации и гибриды оказываются совершенно невидимыми. Практические последствия такого устройства Конституции Модерна состоят уже не только в иллюзии потенци-могущества Запада, а в масштабном и неконтролируемом распространении гибридов [Латур 2006: 108], которое сегодня ставит нас перед лицом Геи и экологического кризиса [Latour 2013].

Если так, то в чем смысл утверждений «модерного мира не существует» и «мы никогда не были современными»? В том, что современный коллектив никогда не жил в соответствии с тем, что проповедовал¹. Никто никогда не смог бы жить только по уставу Конституции, в действительности руководствующейся только критикой и обходящейся без сетей с их гибридизациями. Другой смысл выражения «мы никогда не были современными» в том, что мы никогда не покидали общей для всех коллективов антропологической матрицы, к описанию которой так хорошо подготовлена антропология [Латур 2006: 182].

Так открывается поле симметричной антропологии всех коллективов. Симметричной, потому что она более не использует Великий разлом между Западом и Другими в качестве ресурса,

¹ Русский перевод названия книги «Нового времени не было» по-своему хорош, но не схватывает, что речь у Латура идет о коллективе (мы), а не об эпохе (Новое время).

но пытается его объяснить. При этом симметрия подразумевает не фактическое равенство, а соизмеримость. Работа перевода, идущая во всех коллективах, вновь делает их соизмеримыми. Запад больше не является уникальным, несоизмеримым со всеми остальными коллективами, для которого нужно придумывать отдельную антропологию или того хуже не иметь никакой. Но эта общая антропологическая матрица, восстанавливающая соизмеримость всех коллективов, — лишь точка отсчета, пункт отправления на поиски новых более реалистичных и эмпирически обоснованных различий [Латур 2006: 183].

Правда, за симметрию придется дорого заплатить. Понятие культуры, конституирующее современную антропологию, становится проблемой для симметричной антропологии. Современная антропология асимметрична, поскольку «воздерживается от того, чтобы изучать объекты природы, и ограничивает сферу своих разысканий только культурой» [Латур 2006: 164]. Симметричная антропология «уже не занимается тем, что сравнивает другие культуры, оставляя в стороне свою собственную, которая якобы обладает универсальной природой благодаря какой-то удивительной привилегии. Она сравнивает природы-культуры» [Латур 2006: 170]. За деэжотизацией науки в латуровской антропологии наук следует деметропологизация Запада в симметричной антропологии.

Так Латур подготавливает свой проект антропологии Модерна, которая не будет ограничиваться изучением поверхностных и маргинальных аспектов, а сосредоточится на центральных элементах этого коллектива — науках, технологиях, медицине и т.д. [Латур 2006: 201–204]. В рамках этого проекта смысл антропологии трансформируется еще раз.

Антропология как дипломатия:

Гея, Антропоцен, климат-скептицизм

Проект антропологии Модерна, кульминацией которого стала книга «Исследование режимов существования», занял у Латура 30 лет, здесь о нем можно сказать лишь очень кратко. Цель этого проекта в том, чтобы наконец согласовать практики и объяснения современных людей, их ценности и способы выражения этих ценностей [Latour 2013: 6–8], представить их сначала самим себе, а далее тем, кого они раньше называли Другими. Вместе с этим появляются новые темы и трансформируются старые. Главным последствием модернизации, т.е. последовательного применения Конституции Модерна, оказывается приведение всей планеты в движение, так что у самих современных земля уходит из-под ног. Эти процессы описываются с помощью терминов *Гея*, *Антропоцен*, *новый климатический режим*. То, что ранее

было ирредукцией и возвращением к общей антропологической матрице, теперь описывается в терминах возвращения на землю и поиска почвы под ногами. Иллюзия потенции-могущества превращается в злого гения Двойного клика.

Вместе с этим трансформируется и *modus operandi* антропологии. Из скептика-брокера антрополог превращается в дипломата. Деэзотизируя науки и технологии, скептически относясь к магическим объяснениям их практик, антрополог науки первоначально стремился сделать эти институты публичными и подотчетными внутри коллектива Модерна. Но теперь модернизация обернулась против самого современного коллектива. Результаты наук, и особенно наук о земле, атакуют новые (климат-)скептики во имя идолов современной науки — разума, истины, достоверности. Задача антропологии теперь стать начальником протокола, определяющего дипломатический процесс, который позволит ученым иначе определить то, чем они всегда дорожили, — объективность, но без ощущения потери ценности [Latour 2013: XXVI, 7]. И конечно, помимо дипломатии внутри современного коллектива нужна дипломатия между коллективами, которые должны противопоставить модернизации экологизацию, если не хотят быть стертыми с лица земли.

Как исследователь и дипломат, Латур сделал много ошибок и много раз признавал их. Он делал это с юмором, хитростью, иронией, неожиданными поворотами, трансформациями и неизменной настойчивостью. Ведь каждый раз он пробовал убедить нас снова.

Бруно Латур умер, оставив нам надежду на то, что мы сможем унаследовать его. Как нам это сделать? Как избежать мертвящей модернизации его наследия? Как продолжить то, что он начал? Я не знаю. Но надеюсь, мне удалось сблизить вас с ним и убедить хотя бы попробовать. А если мы ошибемся, то нужно будет просто попробовать еще раз.

Библиография

- Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 296 с. (Прагматический поворот. Вып. 1).
- Latour B. The Pasteurization of France / Transl. by A. Sheridan, J. Law. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. 273 p.
- Latour B. How to Talk about the Body? The Normative Dimension of Science Studies // *Body & Society*. 2004. Vol. 10. No. 2–3. P. 205–229. doi: 10.1177/1357034X04042943.
- Latour B. An Inquiry into Modes of Existence / Transl. by C. Porter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2013. XXVII+486 p.

Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986. 294 p.

Schmidgen H. *Bruno Latour in Pieces: An Intellectual Biography* / Transl. by G. Custance. N.Y.: Fordham University Press, 2014. XVI+175 p.

Vivit-uary. How to Inherit Bruno Latour?

Andrei Kuznetsov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
akuznetsov@eu.spb.ru

This text is a vivit-uary—and not an obit-uary—of Bruno Latour: a tribute to his life, not a commemoration of his death. The question is: how do we inherit Latour? The author seeks to avoid the deadly modernization of his rich heritage, to avoid dividing a single network of his projects and statements along the boundaries of modern disciplines: sociology, philosophy, semiotics, anthropology. Instead, it is proposed to articulate and assemble Latour-the-anthropologist, linking together his projects of the anthropology of sciences and technologies, symmetrical anthropology, and the anthropology of the Moderns (an inquiry into the modes of existence). This approach allows us to find the Ariadne's thread in the labyrinths of his heritage, to learn to follow the trajectory of the transformation of his messages through a variety of topics, disciplines, projects, genres, and formats.

Keywords: Bruno Latour, anthropology of sciences and technologies, symmetrical anthropology, anthropology of the Moderns, irreductions, agnosticism, magic of the Moderns.

References

Latour B., *Les Microbes: guerre et paix, suivi de Irréductions*. Paris: A. M. Métallié, 1984, 281 pp.

Latour B., *Nous n'avons jamais été modernes: Essai d'anthropologie symétrique*. Paris: La Découverte, 1991, 210 pp.

Latour B., 'How to Talk about the Body? The Normative Dimension of Science Studies', *Body & Society*, 2004, vol. 10, no. 2–3, pp. 205–229. doi: 10.1177/1357034X04042943.

Latour B., *Enquête sur les modes d'existence: Une anthropologie des Modernes*. Paris: La Découverte, 2012, 504 pp.

Latour B., Woolgar S., *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986, 294 pp.

Schmidgen H., *Bruno Latour zur Einführung*. Hamburg: Junius Verlag, 2011, 216 SS.